

Т. О. Маколей

Полное собрание сочинений

**Том 9. История Англии. От восшествия на
престол Иакова II. Часть 4**

УДК 93
ББК 63.3
М16

М16 **Маколей Т.О.**
Полное собрание сочинений: Том 9. История Англии. От восшествия на престол Иакова II. Часть 4 / Т. О. Маколей – М.:
Книга по Требованию, 2013. – 404 с.

ISBN 978-5-518-06772-1

Издание Николая Тиблена.

ISBN 978-5-518-06772-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ИСТОРИЯ АНГЛИИ.

ГЛАВА XI.

Революція совершилась. Постановленія конвента были всюду приняты съ покорностью. Лондонъ, въ теченіе пятидесяти полныхъ событіями лѣтъ вѣрный дѣлу гражданской свободы и реформированной религіи, прежде другихъ городовъ заявилъ вѣрноподданство новымъ государямъ. Главный герольдмейстеръ, провозгласивъ ихъ подъ окнами Вайтголя, въ торжественной церемоніи поѣхалъ по Странду къ Темплъ-Бару. За нимъ слѣдовали жезлоносцы обѣихъ палатъ, два спикера, Галифаксъ и Поуль, и длинный рядъ каретъ, наполненныхъ нобльменами и джентльменами. Должностныя лица Сити отворили настежь свои ворота и присоединились къ процессіи. Четыре полка милиціи выстроились по дорогѣ къ Лодгетгиллю, вокругъ собора Св. Павла и вдоль Чипсайда. Улицы, балконы и даже кровли домовъ были покрыты зрителями. Со всѣхъ колоколенъ, отъ Аббатства до Тоуэра, раздавался радостный звонъ. Провозглашеніе было повторено, при звукѣ трубъ, передъ королевскою биржею и встрѣчено восклицаніями гражданъ. Вечеромъ всѣ окна отъ Вайтчапеля до Пиккадилли освѣтились. Парадные комнаты дворца были открыты и на-

Вильгельмъ и Марія провозглашены въ Лондонѣ.

полнены великолѣпнымъ обществомъ придворныхъ, желавшихъ подойти къ рукѣ короля и королевы. Здѣсь собрались виги, сіяя побѣдою и счастіемъ.

Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ примѣшивавшееся къ радости чувство мести было простиительно. Но той, которая была обижена глубже всѣхъ, пережившихъ тяжелое время, здѣсь не было. Между тѣмъ какъ друзья леди Россель наполняли галереи Вайтголла, она оставалась въ своемъ уединеніи, думая о томъ, кто, будь онъ живъ, занималъ бы видное мѣсто въ торжествахъ этого великаго дня. Ея дочь, нѣсколько мѣсяцевъ назадъ сдѣлавшаяся женою лорда Кавендиша, была представлена царственной четѣ его матерью, графинею Девонширъ. Сохранилось письмо, въ которомъ молодая леди съ большою живостью описываетъ клики простонародья, освѣщеніе улицъ, толпу въ приемной залѣ, красоту Марии и выраженіе, которое облагораживало и смягчало строгія черты Вильгельма. Но всего интереснѣе въ этомъ письмѣ то мѣсто, гдѣ сирота признается въ суровомъ восторгѣ, съ которымъ она смотрѣла на позднее наказаніе усійцы ея отца. (а)

Радость
по всей
Англіи.

Примѣру Лондона послѣдовали провинціальные города. Въ теченіе трехъ недѣль газеты наполнялись описаніями торжествъ, которыми выражалась общественная радость, кавалькадъ джентльменовъ и йоменовъ, процессій шерифовъ и бейлифовъ въ красныхъ мантияхъ, собраній ревностныхъ протестантовъ съ оранжевыми знаменами и лентами, стрѣльбы, потѣшныхъ огней, иллю-

(а) Письмо леди Кавендишъ къ Сильвіи. Леди Кавендишъ, какъ и большая часть образованныхъ дѣвицъ того поколѣнія, помнила романы Скюдери. Она называетъ себя Дориндою, а своей корреспонденткѣ, которою вѣроятно была ея кузина Дженъ Аллингтонъ, даетъ имя Сильвіи; Вильгельмъ у нея — Орманзоръ, а Марія — Фениксана. «*London Gazette*», Febr. 14. 1689; Narsivus Luttwell's «*Diary*». Дневникъ Лотвелля, на который я буду часто ссылаться, находится въ библиотекѣ Коллегіи Всѣхъ Усопшихъ. Я много обязанъ добротѣ, съ которою тамошній библиотечарь доставилъ мнѣ доступъ къ этой драгоценной рукописи.

мнѣній, музыки, баловъ, обѣдовъ, желобовъ, по которымъ текъ
эль, и трубъ, изъ которыхъ било бордоское (*).

Еще сердечнѣе была радость голландцевъ, когда они узнали, ^{Радость} что первый сановникъ ихъ республики возведенъ на престолъ. ^{въ Гол-} Въ ^{ландіи.} самый день своего восшествія онъ написалъ къ генеральнымъ штатамъ, увѣряя ихъ, что перемѣна въ положеніи не произвела никакой перемѣны въ любви, которую онъ питалъ къ родному краю, и что новое его достоинство, какъ онъ надѣется, дастъ ему возможность исполнять прежнія обязанности успѣшнѣе, чѣмъ когда-либо. Та олигархическая партія, которая всегда была враждебна ученію Калвина и Оранскому дому, шептала, что его величеству слѣдовало бы отказаться отъ штатгальтерства. Но всякій подобный ропотъ былъ заглушаемъ восклицаніями народа, гордившагося гениемъ и успѣхомъ своего великаго соотечественника. День для благодарственного молебствія былъ назначенъ. Во всѣхъ городахъ семи провинцій общественная радость высказывалась празднествами, издержки которыхъ, главнымъ образомъ, покрывались добровольными приношеніями. Въ нихъ участвовали всѣ сословія. Бѣднѣйшій поденщикъ способствовалъ къ устройству триумфальныхъ воротъ или подкладывалъ хворосту въ потѣшный огонь. Даже раззоренные французскіе гугеноты помогали своею изобрѣтательностью. Одно изъ искусствъ, принесенныхъ имъ въ изгнаніе, было умѣнье приготавливать фейерверки, и теперь они, въ честь побѣдоноснаго поборника ихъ вѣры, освѣтили амстердамскіе каналы множествомъ блестящихъ созвѣздій (b).

Для поверхностныхъ наблюдателей могло бы казаться, что Вильгельмъ былъ въ это время однимъ изъ счастливейшихъ людей. На дѣлѣ онъ былъ однимъ изъ самыхъ озабоченныхъ и несчастныхъ. Онъ хорошо зналъ, что трудности его дѣла только-что настаютъ. Уже заря, которая еще недавно сіяла такъ ярко,

(*) См. лондонскія газеты за февраль и мартъ 1689, и Narcissus Luttrell's «Diary».

(b) WAGENAAR, LXI. Онъ приводитъ совѣщанія штатовъ 2-го марта 1689. «London Gazette», April 11. 1689; «Monthly Mercury» for April, 1689.

отуманилась, и много признаковъ предвѣщало мрачный и бурный день.

Неудовольствие духовенства и арміи. Было замѣчено, что два важные класса принимали мало или вовсе не принимали участія въ празднествахъ, которыми встрѣчались по всей Англіи установленіе новаго правительства. Очень рѣдко видѣли священника или солдата въ сборищахъ, толпившихся вокругъ рыночныхъ крестовъ, гдѣ провозглашались король и королева. Сословная гордость духовенства и арміи была глубоко оскорблена. Ученіе о несопротивленіи было дорого англичанскимъ священникамъ. Оно было ихъ отличительною принадлежностью, ихъ любимой темой. Если судить по той части ихъ вѣтійства, которая дошла до насъ, то они проповѣдывали о долгѣ насильнаго повиновенія почти такъ же часто и такъ же ревностно, какъ и о Троицѣ или Искупленіи (*). Ихъ приверженность къ своему политическому вѣроученію подверглась, конечно, жестокому испытанію и на короткое время поколебалась. Но съ тираниею Іакова горькія чувства, возбужденныя ею въ духовенствѣ, исчезли. Приходскій священникъ естественно не желалъ участвовать въ томъ, что въ сущности было торжествомъ надъ правилами, которыя, въ теченіе 28 лѣтъ, онъ внушалъ своей паствѣ въ каждую годовщину мученической смерти Карла I и въ каждую годовщину Реставраціи.

Солдаты также были недовольны. Правда, они ненавидѣли напизмъ; они не любили изгнаннаго короля. Но они живо чувствовали, что въ короткую кампанію, которая рѣшила судьбу ихъ отечества, они играли безславную роль. Сорокъ прекрасныхъ полковъ, такая регулярная армія, какой никогда до тѣхъ поръ еще не ходило въ бой подъ королевскимъ знаменемъ Англіи, быстро отступили передъ вторгнувшимся въ страну полководцемъ

(*) «Я могу сказать положительно», говоритъ одинъ писатель, воспитывавшійся въ Вестминстерской школѣ, «что гдѣ я слышалъ одну проповѣдь о покаяніи, вѣрѣ и обновленіи Святаго Духа, тамъ я слышалъ три о другомъ, и трудно сказать, кто былъ чаще упоминаемъ и превозносимъ, Іисусъ ли Христосъ или король Карлъ I». Визветъ «*Modern Fanatick*», 1710.

и потомъ безъ борьбы покорились ему. Эта великая сила ровно ничего не значила въ недавней переи́нѣ, ничего не сдѣлала ни для отраженія Вильгельма, ни для его призванія. Мужики, которые, съ вилами въ рукахъ и верхомъ на ломовыхъ лошадяхъ, толпились въ свитѣ Ловлеса или Деламира, приняли большее участіе въ Революціи, нежели блестящіе королевскіе полки, которыхъ оперенныя шляпы, шитые кафтаны и рѣзвые боевые кони такъ часто восхищали лондонцевъ въ Гайдъ-Паркѣ. Досаду арміи еще усиливали насмѣшки иностранцевъ, насмѣшки, отъ которыхъ не могли вполнѣ удержать ни приказы, ни наказанія (а). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ гнѣвъ, къ которому въ подобныхъ обстоятельствахъ способна толпа храбрыхъ и гордыхъ людей, выразился тревожнымъ образомъ. Батальонъ, стоявшій въ Сайренсестерѣ, погасилъ потѣшныя огни, кричалъ ура королю Іакову и пилъ на гибель его дочери и племянника. Плимутскій гарнизонъ нарушилъ празднество въ графствѣ корнваллійскомъ; завязалась драка, в одинъ человекъ былъ убитъ въ схваткѣ (b).

Нерасположеніе духовенства и арміи не могло не обратить на себя вниманія и самыхъ беззаботныхъ, такъ какъ духовенство и армія отличались отъ другихъ классовъ рѣзкими особенностями одежды. «Черныя рясы и красные кафтаны, сказалъ одинъ горячій вигъ въ палатѣ общинъ, проклятіе націи» (c). Но неудовольствіе не ограничилось черными рясами и красными кафтанамъ. Восторгъ, съ которымъ люди всѣхъ классовъ привѣтствовали Вильгельма въ Лондонѣ о Рождествѣ, значительно ослабѣлъ къ концу февраля. Новый король, въ моментъ, когда слава и счастье его достигли высшей точки, предсказалъ будущую реакцію. Правда, эту реакцію могъ бы предсказать и менѣе проникательный наблюдатель человѣческихъ дѣлъ. Ее надобно приписать, главнымъ образомъ, закону, который не уступаетъ въ точ-

Реакція
общест-
веннаго
настро-
енія.

(a) «*Paris Gazette*» ^{анг. 26.}/_{февр. 5.} 1689. «*Orange Gazette*». London. Jan. 10. 1688/9.

(b) GREY'S «*Debates*»; HOWE'S *speech*, Febr. 26. 1688/9; BOSCHWEN'S *speech*, March 1., NARCISSEUS LUTTRELL'S «*Diary*», Febr. 23—27.

(c) GREY'S «*Debates*», Febr. 26. 1688/9.

ности законамъ, опредѣляющимъ чередованіе временъ года и направленіе пассатныхъ вѣтровъ. Въ природѣ человѣка—преувеличивать настоящее зло и сбавлять цѣну настоящему добру; жаждать того, чего у него нѣтъ, и не удовлетворяться тѣмъ, что у него есть. Эта склонность, обнаруживающаяся въ недѣлимыхъ, часто была наблюдаема и смѣющимися, и плачущими философиями. Она была любимой темой Горація и Паскаля, Вольтера и Джонсона. Ея вліянію на судьбу великихъ общинъ можно приписать большую часть революцій и контръ-революцій, занесенныхъ въ исторію. Сто поколѣній прошло со временъ перваго великаго народнаго освобожденія, о которомъ дошло до насъ извѣстіе. Мы читаемъ въ самой древней изъ книгъ, что народъ, пресмыкавшійся подъ жестокимъ игомъ, принуждаемый къ работѣ вооруженными кнудомъ приставниками, не имѣвшій соломы для выдѣлки кирпичей и при этомъ обязанный выдѣлывать ихъ ежедневно урочное количество, былъ измученъ этой жизнью и поднялъ такой отчаянный вопль, что дрогнуло Небо. Рабы были освобождены чудомъ; въ минуту своего освобожденія они воспѣли благодарственную и торжествующую пѣснь; но черезъ нѣскольکو часовъ начали сожалѣть о своемъ рабствѣ и роптать на вождя, который выманилъ ихъ изъ страны рабства съ ея вкусной пищею, въ бесплодную пустыню, все-еще отдѣлявшую ихъ отъ земли, кипѣвшей молокомъ и медомъ. Съ того времени въ исторіи каждаго великаго освободителя повторялась исторія Моисея. До настоящаго часа, за радостью, подобною восторгамъ на берегу Чермнаго моря, всегда быстро слѣдовалъ ропотъ, подобный возникшему у Водъ Пререканія (а). Самая справедливая и спасительная революція должна породить много страданій. Самая справедливая и спасительная революція не въ состояніи произвести всего добра, котораго отъ нея ожидали люди съ умомъ необразо-

(а) Это сравненіе повторялось до пресыщенія въ проповѣдяхъ и памфлетахъ времени Вильгельма III. Сохранилось жалкое подражаніе «*Absalom and Ahiophel*», подъ заглавіемъ «*The Murmurers*». Вильгельмъ въ немъ Моисей; Корей, Даанъ и Авиронъ — непрягнувшіе епископы; Валаамъ, какъ я думаю, Драйденъ, а Финеасъ — Шрусбѣри.

ваннѣмъ и характеромъ увлекающимся. Даже и умнѣйшій изъ людей не можетъ, на первыхъ порахъ, совершенно справедливо взвѣсить бѣдствія, которыя она причинила, съ устраненными ею. Причиненныя бѣдствія ощущаются, а устраненныя перестали гнѣсти.

То же повторилось теперь въ Англіи. Публика, какъ это всегда бываетъ во время припадковъ охлажденія, слѣдующихъ за припадками горячности, была угрюма, капризна, недовольна собою, недовольна своими недавними любимцами. Перемиріе между двумя великими партіями кончилось. Раздѣленныя памятью всего того, что было сдѣлано и вынесено въ продолженіе полувѣковой борьбы, онѣ на нѣсколько мѣсяцевъ соединились было общею опасностью. Но опасность миновала; союзъ рушился, и старая вражда закипѣла съ прежнею силою.

Іаковъ, въ послѣдній годъ своего царствованія, былъ еще болѣе ненавидимъ торіями, чѣмъ вигами — и не безъ причины: для виговъ онъ былъ только врагомъ, а для торіевъ онъ былъ вѣроломнымъ и неблагодарнымъ другомъ. Но старое чувство роялистовъ, повидимому исчезнувшее во время его беззаконнаго владычества, было отчасти оживлено его несчастіями. Многіе лорды и джентльмены, которые въ декабрѣ взяли за оружіе въ пользу принца Оранскаго и свободнаго парламента, черезъ два мѣсяца роптали, что они были завлечены, что слишкомъ доверчиво приняли декларацію его высочества, что повѣрили его безкорыстію, которое, какъ теперь оказывалось, не въ его натурѣ. Они хотѣли только подвергнуть короля Іакова, для его же собственнаго блага, нѣкоторому слабому насилію, покарать вовлекавшихъ его въ ошибки іезуитовъ и отступниковъ, получить отъ него нѣкоторую гарантію въ безопасности гражданскихъ и церковныхъ государственныхъ установленій, но не развѣнчивать и не изгонять его. Какъ ни было дурно его правленіе, но ему нашлись оправданія. Не естественно ли, что, изгнанный еще въ дѣтствѣ изъ роднаго края мятежниками, которые позорили имя протестанта, и принужденный провести юность въ странахъ, гдѣ господствуетъ католическая религія, онъ былъ очарованъ ея ученіемъ? Не естественно ли, что, преслѣдуемый и оклеветанный безпощадною

Настро-
еніе то-
риевъ.

факцією, онъ сдѣлался суровѣе и строже того, какимъ считали его прежде; что видя наконецъ въ своей власти людей, пытавшихся запятнать его честь и похитить у него прирожденное право, онъ не достаточно смягчалъ правосудіе милостью? Что касается до худшаго обвиненія, которое на него ввозили, обвиненія въ томъ, что онъ старался обманомъ лишить своихъ дочерей наслѣдства, усыновляя подложнаго ребенка, то на чемъ основывается это обвиненіе? На ничтожныхъ обстоятельствахъ, которыя можно приписать случаю или неблагоразумію, столь согласному съ характеромъ Іакова. Заковывалъ ли когда-либо самый тупой сельскій судья какого-нибудь парня въ колодки, не требуя болѣе убѣдительнаго доказательства вины. чѣмъ то, на основаніи котораго англійскій народъ осудилъ короля въ самомъ низкомъ и отвратительномъ изъ всѣхъ обмановъ? Правда, король совершилъ нѣсколько важныхъ проступковъ; ничто не могло бы быть болѣе справедливо или конституціонно, какъ призвать за эти проступки его совѣтниковъ и орудія къ строгой отвѣтственности; да и эти совѣтники и орудія не болѣе заслуживали наказанія, какъ круглоголовые сектаторы, которые своимъ ласкательствомъ поощряли короля упорствовать въ пагубномъ употребленіи разрѣшительной власти. Основнымъ закономъ страны признано, что король не можетъ погрѣшать и что если зло сдѣлано отъ его имени, то за него отвѣчаютъ совѣтники и агенты короля. Это великое правило, существенно-важное для нашего управленія, теперь испровергнуто. Лъстецы, подлежащіе по закону наказанію, пользуются безнаказанностью; король, который по закону не подлежитъ наказанію, наказанъ съ безжалостною строгостью. Возможно ли кавалерамъ англійскимъ, потомкамъ воиновъ, сражавшихся подъ предводительствомъ Рупрехта, не чувствовать ѣдкой скорби и негодованія, размышляя о судьбѣ своего законнаго властелина, наслѣдника длиннаго ряда государей, недавно съ торжествомъ возведеннаго на престолъ въ Вайтголлъ, а теперь изгнанника, просителя, нищаго? Его бѣдствія превзошли даже бѣдствія святаго мученика, его родителя. Отецъ умерщвленъ отъявленными и смертельными врагами; сынъ погубленъ собственными дѣтьми. Еслибъ онъ даже и заслуживалъ наказанія, то, конечно, долженъ былъ бы претерпѣть

его отъ иныхъ рукъ. А было ли оно заслуженнымъ? Не былъ ли несчастный скорѣе слабъ и опрометчивъ, чѣмъ злонамѣренъ? Не обладалъ ли онъ нѣкоторыми изъ качествъ превосходнаго государя? Его способности были, конечно, не высокаго разряда; но онъ былъ дѣятеленъ; онъ былъ бережливъ; онъ храбро сражался; онъ былъ собственнымъ морскимъ министромъ и достойнымъ образомъ исполнялъ свои обязанности; пока его духовные руководители не приобрѣли роковаго вліянія на его умъ, онъ считался истинно правосуднымъ человѣкомъ, и въ случаяхъ, когда они не увлекали его на ложный путь, онъ, до самаго конца, говорилъ, вообще, прямодушно и дѣйствовалъ честно. Будь онъ протестантъ, даже будь онъ умѣренный католикъ, онъ могъ бы, обладая столькими добродѣтелями, царствовать счастливо и славно. Можетъ быть, для него еще не совсѣмъ поздно исправить свои ошибки. Трудно думать, чтобы онъ могъ быть такъ гупъ и пороченъ, что не воспользовался бы недавнимъ страшнымъ урокомъ; а если этотъ урокъ произвелъ дѣйствіе, какого должно было отъ него ожидать, Англія могла бы еще наслаждаться, подъ властью законнаго государя, бѣльшимъ счастьемъ и спокойствіемъ, нежели на какія она въ правѣ рассчитывать подъ управленіемъ лучшаго и искуснѣйшаго узурпатора.

Мы будемъ очень несправедливы къ тѣмъ, кто говорилъ такимъ образомъ, если предположимъ, что они, какъ партія, перестали смотрѣть на панизмъ и деспотизмъ съ отвращеніемъ. Конечно, могли найтись фанатики, которые не допускали мысли о наложеніи условій на своего короля и готовы были призвать его безъ малѣйшаго обезпеченія въ томъ, что не будетъ немедленно обнародована Декларация объ Индульгенціи, что не возстановится тотчасъ же Верховная коммиссія, что Питеръ не будетъ снова за сѣдать въ совѣтъ и что члены Магдалининской коллегіи не будутъ изгнаны. Но число такихъ людей было не велико. Съ другой стороны, число роялистовъ, которые, еслибы Іаковъ сознался въ своихъ ошибкахъ и обѣщалъ соблюдать законы, были готовы соединиться вокругъ него, было весьма значительно. Замѣчательно, что двое искусныхъ и опытныхъ государственныхъ людей, игравшихъ важную роль въ Революціи, откровенно выражали, чрезъ нѣ-

сколько дней по ея окончаніи, опасенія насчетъ близкой возможности реставраціи. «Еслибъ король Іаковъ былъ протестантъ», сказалъ Галифаксъ Рирсби, «мы не могли бы удержать его за границую и четырехъ мѣсяцевъ.» «Еслибъ король Іаковъ», сказалъ Данви тому же лицу около того же времени, «захотѣлъ дать хотя какое-нибудь удовлетвореніе странѣ въ дѣлѣ религіи, что ему легко сдѣлать, то намъ было бы очень трудно устоять противъ него» (1). Къ счастью для Англіи, Іаковъ былъ, какъ всегда, своимъ злѣйшимъ врагомъ. У него не могли вынудить и одного слова, которое показало бы, что онъ обвиняетъ себя въ прошломъ или намѣренъ управлять сообразно конституціи въ будущемъ. Каждое письмо, каждый слухъ, доходившій изъ Сень-Жермена въ Англію, заставляли умныхъ людей опасаться, что еслибъ Іакову, въ его нынѣшнемъ настроеніи духа, возвратили власть, то вторая тираннія была бы хуже первой. Такимъ образомъ торіи, какъ партія, были принуждены очень неохотно согласиться, что въ то время выборъ предстоялъ лишь между Вильгельмомъ и гибелью общества. Поэтому они не отказывались совершенно отъ надежды, что тотъ, кто былъ король по праву, можетъ еще когда-либо, въ будущемъ, уступить внушеніямъ разума, не ощущали никакого вѣрноподданническаго чувства къ тому, кто былъ королемъ по власти, и съ неудовольствіемъ терпѣли новое правительство.

Можно сомнѣваться, не подвергалось ли это правительство, въ первые мѣсяцы своего существованія, большей опасности приверженностью виговъ, чѣмъ недоброжелательствомъ торіевъ. Вражда едвали можетъ быть тягостнѣе придирчивой, ревнивой, требовательной любви; а такова была любовь, которую чувствовали виги къ избранному ими государю. Они его громко превозносили. Они готовы были кошелькомъ и мечомъ поддерживать его противъ иноземныхъ и домашнихъ враговъ. Но ихъ привязанность къ нему была особеннаго рода. Ученія Мильтона и Сидни не могли благопріятствовать вѣрноподданническому чувству, какое одушевляло храбрыхъ джентльменовъ, сражавшихся за Кар-

Настро-
еніе ви-
говъ.

(1) Ривзвотъ's «Memoirs».